

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№7(42)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ**

МОСКВА, 2020

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам XLII международной
научно-практической конференции*

№ 7 (42)
Июль 2020 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2020

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Лобазова Ольга Федоровна – д-р филос. наук, проф. кафедры философии Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва;

Мащитько Сергей Михайлович – канд. филос. наук, доц. кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Беларусь, г. Минск;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам XLII междунар. науч.-практ. конф. – № 7 (42). – М.: Изд. «МЦНО», 2020. – 36 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2020

Оглавление

Раздел 1. История и археология	4
1.1. Всеобщая история	4
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ У. ДЖ. КЛИНТОНА В ПЕРИОД С 1993 ПО 1994 ГГ. Кадочникова Мария Владимировна Никитин Леонид Витальевич	4
1.2. Этнография, этнология и антропология	10
ВНОВЬ О МЕСТЕ ШАМАНИЗМА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЯКУТОВ Желобцов Федот Федотович	10
Раздел 2. Юриспруденция	14
2.1. Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право	14
ОХРАНА РЕДКИХ И НАХОДЯЩИХСЯ ПОД УГРОЗОЙ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Рябова Ирина Александровна	14
2.2. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве	19
ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ Ротань Владимир Гаврилович	19
2.3. Уголовный процесс	29
ПЕРЕВОДЧИК КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА Бабушкина Анастасия Дмитриевна	29

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

1.1. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ У. ДЖ. КЛИНТОНА В ПЕРИОД С 1993 ПО 1994 ГГ.

Кадочникова Мария Владимировна

магистрант

*ФГБОУ ВО Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
РФ, г. Челябинск*

Никитин Леонид Витальевич

канд. ист. наук, доцент,

*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
РФ, г. Челябинск*

ECONOMIC POLICY OF THE ADMINISTRATION OF W.J. CLINTON IN THE PERIOD FROM 1993 TO 1994

Maria Kadochnikova

master student

*South Ural state university of humanities and education,
Russia, Chelyabinsk*

Leonid Nikitin

Candidate of Historical Sciences,

associate professor

*South Ural state university of humanities and education,
Russia, Chelyabinsk*

Аннотация. В статье приводятся основные направления экономической политики администрации У. Дж. Клинтона – 42-го президента США в рамках периода с 1993 по 1994 г. Данный этап был одним из ключевых в становлении приоритетов для президента, а также одним из успешных.

Abstract. The article presents the main directions of economic policy of the administration of W.J. Clinton – the 42nd President of the United States during the period from 1993 to 1994. This stage was one of the key priorities for the President, as well as one of the successful ones.

Ключевые слова: экономика; история; США; Клинтон; администрация Клинтона; экономическая политика.

Keywords: economy; history; the USA; Clinton; Clinton's administration; economic policy.

У. Дж. Клинтон пришел к власти в начале 1990-х гг., в это же время существовал ряд проблем в экономической жизни США. И была среди них такая, которую невозможно было откладывать на более позднее время. Она требовала решения в ближайшее время: сокращение дефицита федерального бюджета, который особенно увеличился за годы пребывания республиканцев у власти.

Трудность разрешения неотложной задачи, то есть вопроса бюджета, была в том, что, во-первых, необходимо было разработать верную экономическую стратегию, а во-вторых, найти средства для уменьшения дефицита бюджета.

После того, как Клинтон вступил в избирательную гонку 1992 г., его желание изменить политику США во многих ее аспектах стало очевидным. В предвыборной гонке Клинтон, исходя из данных демократической платформы, «проявил себя как кандидат, который хотел бы привести большие перемены во все сферы жизни, особенно оживить экономическое развитие своей страны» [7].

Будущий 42-й президент США был представителем отдельного крыла партии – «новых демократов». Идеи этого крыла сочетали программные позиции как Республиканской, так и Демократической партии. В рамках нового курса демократы предлагали ряд программных положений республиканцев: уничтожение бюджетного дефицита, преобразование социальной сферы жизни общества, поощрение личной ответственности каждого гражданина.

Решение проблем дефицита федерального бюджета, особенно способы его устранения за счет снижения трат на оборону и государственный аппарат, увеличения налогов, уменьшения трат на социальную сферу и в целом её реформирование – все это ранее было не характерным для демократов.

Демократическая партия знала, что дефицит – это большая проблема как в экономическом, так и в политическом плане, и, если не решить эту проблему, преобразования в других сферах будут невозможны. Клинтон понимал, что цель сбалансировать бюджет является приоритетной в его политике, но также осознавал и то, что цель сама по себе трудна и масштабна [2, с. 18].

Для борьбы с дефицитом бюджета Клинтон предложил кардинальное уменьшение расходов, а также полную ликвидацию дефицита за 10 лет, так как именно этот срок позволит быть более свободными при сокращении дефицита и увеличения затрат на новые программы и преобразования. Предполагалось, что с помощью такого решения в экономике страны не должно было возникнуть экономических трудностей, а также сокращение будет происходить постепенно.

К сожалению, план бюджета не был разработан быстро, ведь ситуация осложнялась тем, что дефицит был еще больше прогнозируемого. Законопроект, название которого «Об общих бюджетных согласованиях» 1993 г. (Omnibus Budget Reconciliation Act of 1993 (OBRA) [6] был представлен Клинтонем на обсуждение в Конгресс. Он представлял собой бюджет на 1994 г., программу стимуляции экономики, а также планировал экономическое развитие на 5 лет вперед. В случае реализации данного законопроекта, дефицит бюджета должен быть сокращен на 500 млрд. долл.

Программа по стимулированию была лучшим решением, и этому есть несколько причин. Первая причина заключается в том, что комплекс мер, имел большую возможность в поддержке Конгресса (так как хотя бы какие-то аспекты билля парламентарии готовы были поддержать), а значит и его отношение к биллю могло оказаться в целом одобрительным. Еще одна причина заключается в том, что билль стал возможностью примирения двух оппозиционных партий. Дискуссионным оставался вопрос за счет чего сократить бюджет.

По мнению Клинтона, значительного сокращения можно добиться в случае уменьшения затрат на оборону. Стоит отметить, что по причине завершения «холодной войны» продолжение расходов на оборону он считал нецелесообразным. Правда, к 1993 г. расходы на данную статью и так были сокращены до уровня 4,8 % [5, с. 56]. В случае еще больше сокращения президента могли обвинить в подрыве безопасности страны.

Рост налогов был неизбежен, так как дефицит бюджета оказался за рамками ожидаемого, в связи с чем в 1993 г. налоги для самых обеспеченных граждан были увеличены до рекордного уровня – 39 %. Для семей, чей доход в год превышал 140 тыс. долл., а также для одиноких граждан, чей доход более чем 115 тыс. долл. был установлен подоходный налог от 31-36 %.

Таким образом, меры, предложенные Клинтоном, были сокращены на более чем 150 статей. В августе 1993 г., получив минимальное количество голосов, бюджетный план был одобрен Конгрессом. Итак, законопроект «Об общих бюджетных согласованиях» был подписан президентом 10 августа 1993 г.

Стоит отметить, что бюджетная и социальная политика очень связаны друг с другом. Много раз Клинтон отмечал, что принятие экономической программы ускорит решение и социальных проблем.

По мнению видного американиста Н.М. Травкиной, «в ситуации, когда главная фискальная проблема страны оставалась неразрешенной, увеличивать нагрузку на бюджет за счет новых политически опасных предложений в области внутренней политики было рискованно» [3, с. 197]. В связи с чем можно сделать вывод о том, что благодаря успехам президента-демократа по принятию бюджета, пришло время претворять в жизнь замыслы в социальной сфере.

Изменения коснулись и банковской системы США. Так, в 1994 г. Конгресс принял документ, изменивший важную отрасль национального хозяйства, Закон «Об эффективности банковской деятельности и открытии отделений в нескольких штатах», также он известен как Закон Ригла – Нила (The Riegle – Neal Act). В конце 1970-1980-х гг. по многим параметрам стало заметно стало отставание ведущих финансовых корпораций США от их конкурентов из Японии и Западной Европы. В связи с чем, в начале 1990-х гг. были предприняты меры для устранения отставания. Однако, по наблюдению Л.В. Никитина, для решения этого вопроса еще оставалось «сделать главный шаг – принять всеобъемлющее законодательство, позволяющее не только создавать общенациональные финансовые холдинги, состоящие из нескольких банков, но и дающее возможность формировать аналогичные филиальные сети внутри любого отдельно взятого банка» [1, с. 39]. Условия оказались возможными после победы в 1992 г. на президентских выборах представителя Демократической партии У. Дж. Клинтона.

В ходе обсуждения, согласования всех мер по решению вопроса отставания банковской системы был принят и подписан 29 сентября 1994 г. Закон «Об эффективности банковской деятельности». Закон был принят вовремя, так как уже в ноябре демократы потерпели поражение на выборах в Конгресс, что ограничило возможности Клинтона и его администрации.

Мы можем выделить следующие результаты принятия данного закона: холдинги получили право покупать благополучные банки на всей территории США; открытие новых филиалов стало возможным в «чужих штатах»; зависимость банков от демографии уменьшилась; ведущие банки Америки стали вытеснять в различных мировых

рейтингах своих конкурентов из Европы и Японии. Главный результат заключался в повышении эффективности кредитной системы США. Клиенты получили удобный доступ к финансовым услугам, экономика получила улучшенный механизм направления свободных денежных средств в сторону перспективных отраслей и корпораций.

Таким образом, подводя итоги первых двух лет президента Клинтона, можно отметить, что последствия оказались неоднозначными. Основная цель администрации, заключающаяся в уменьшении дефицита бюджета, уже получила некоторую реализацию. Если в 1992 г. дефицит достигал 290,4 млрд. долл., то в 1994 г. он составил 164 млрд. долл., а к 1995 г. был сокращен до суммы 107 млрд. долл. Команде Клинтона удалось добиться снижения бюджетного дефицита без отрицательных последствий для экономики.

План по снижению расходов на оборону также удалось реализовать, о чем свидетельствует следующие данные из федерального бюджета США: в 1992 г. они составляли 298,4 млрд. долл., в 1993 г. – 291 млрд. долл., а в 1994 г. – 281 млрд. долл. [8].

В целом все то, что мы описали выше, показывает, что курс на преобразования был выбран верный, так как многое из запланированного стало реализовываться в жизнь и приносить плоды.

Выше были отмечены позитивные итоги, но необходимо назвать и ряд негативных итогов. К их числу можно отнести то, что бюджетный билль, несмотря на принятие Конгрессом, был непопулярен. Это повлияло на события ноября 1994 г., когда почти все представители Демократической партии, которые поддержали бюджет Клинтона, в ходе промежуточных выборов потерпели поражение (в то время как ни один переизбравшийся конгрессмен из партии республиканцев не проиграл). Это было очень показательным негативным политическим итогом первых двух лет президентства Клинтона. В связи с этим Демократическая партия теряла контроль над Сенатом и Палатой представителей. По подсчётам профессора В.О. Печатнова [4, с. 427]: «потери составили 8 мест в Сенате и 52 в нижней палате, что заметно превышало норму для промежуточных выборов для правящей партии – 1 место в Сенате и 12 в Палате представителей».

По нашему мнению, одной из причин данного события стало неполное следование Клинтона своим предвыборным обещаниям, а также отсутствие единого мнения у партии демократов при разрешении бюджетных и социальных вопросов.

Но все же важно отметить, что при всех положительных и отрицательных сторонах поражения демократов, принятый в 1993 г. закон о бюджете стал важным пунктом в череде побед администрации Клинтона.

Клинтон, как уже было отмечено, выбрал тактику компромисса в условиях борьбы между партиями и внутри партии демократов, и все же он двигался к достижению цели, пусть и с отклонениями от данных им обещаний.

Корректировки намеченного пути сочетались со вполне благоприятными экономическими итогами, но в политическом плане происходило падение популярности демократов, что создавало новые проблемы для администрации Клинтона.

Список литературы:

1. Никитин Л.В. Закон Ригла – Нила (1994 г.) и его место в новейшей экономической истории США // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. - 2011. – № 9. – С. 38-41.
2. Травкина Н.М. Бюджетная стратегия США до 2000 г. // США–ЭПИ, – 1995. – № 10. – С. 15-25.
3. Травкина Н.М. США: партии, бюджет, политика. – М.: Наука, 2008. – 273 с.
4. Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя. – М.: Наука, 2008. – 503 с.
5. Economic Report of the President. Washington, 1994.
6. Pub.L. 103–66, 107 Stat. 312, enacted August 10, 1993 [Электронный ресурс] // – URL: <https://www.acf.hhs.gov/css/resource/omnibus-budget-reconciliation-act-of-1993-pl-103-66>. (дата обращения: 12.05.2020).
7. 1992 Democratic Party Platform [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/1992-democratic-party-platform> (дата обращения: 30.05.2020).
8. 1996 Budget of U.S. Government. Historical Tables. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gpo.gov>. (дата обращения: 25.04.2020).

1.2. ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

ВНОВЬ О МЕСТЕ ШАМАНИЗМА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЯКУТОВ

Желобцов Федот Федотович

доцент,

Северо-Восточный федеральный университет

имени М.К. Аммосова. – СВФУ,

РФ, г. Якутск

AGAIN ABOUT THE PLACE OF SHAMANISM IN THE SPIRITUAL LIFE OF THE YAKUTS

Fedot Zhelobtsov

Associate Professor,

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

named after M.K. Ammosov. - NEFU,

Russia, Yakutsk

Аннотация. Рассматривается вопрос о месте шаманизма в духовной жизни якутского этноса, который сегодня является одним из самых дискутируемых в научных кругах Республики Саха (Якутия). Он тесно связан с не менее актуальной проблемой этногенеза якутов, не нашедшей еще своего решения. Накануне издания новой редакции «Истории Якутии» предлагаемая тема автора приобретает дискуссионный характер. Привлечение малоизвестных материалов по этногенезу и духовной культуре тюркских народов может способствовать прояснению многих вопросов, связанных с происхождением якутского этноса.

Abstract. The question of the place of shamanism in the spiritual life of the Yakut ethnic group, which today is one of the most discussed in the scientific community of the Republic of Sakha (Yakutia), is examined. It is closely related to the no less urgent problem of the ethnogenesis of the Yakuts, which has not yet found its solution. On the eve of the publication of the new edition of “History of Yakutia”, the proposed topic of the author becomes debatable. Attraction of little-known materials on ethnogenesis and spiritual culture of Turkic peoples can help clarify many issues related to the origin of the Yakut ethnos.

Ключевые слова: шаманизм; Тэнгри; автохтонность якутского этноса; культ Неба; религия Айыы.

Keywords: shamanism; Tengri; autochthonousness of the Yakut ethnic group; cult of Heaven; Aiyyu religion.

Научная общественность Республики Саха (Якутия) с большим интересом ждёт издания новой «Истории Якутии» Сибирским отделением РАН. Одной из причин этого исторического события является новая парадигма в теории этногенеза и духовной жизни якутского этноса.

Ведущие историки-краеведы доктора исторических наук А.Н. Алексеев и А.И. Гоголев, опираясь на многочисленные доказательства археологии и этнографии, убеждены в том, что якуты как народность сложилась на Средней Лене в результате смешения с абorigенными этносами во 2-й пол. XVI века. При этом они подчёркивают преобладающее значение тюркского начала как свидетельство южных истоков происхождения якутов [1, с. 66-67; 2, с. 22].

Оставляя в стороне вопросы этногенеза, хотелось бы высказать своё мнение в наиболее дискутируемом вопросе – месте шаманизма в духовной жизни якутов.

Действительно, сегодня термин «шаманизм» очень часто употребляется именно в значении религии. Вместе с тем, шаманизм никогда не имел статуса официальной религии. В нём отсутствуют священные писания наподобие Библии или Корана. Нет какого-либо единства в трактовке его терминов. Однако, совершенно очевидно одно – шаманизм является обязательной и неотъемлемой частью религии. Образно говоря, если религия – отражение эволюции человеческого общества, то шаманизм – детство человечества.

Само слово «шаман» – не тюркского происхождения: в переводе с эвенкийского языка означает «мудрый человек», «тот, кто знает». Кстати, этимология якутского названия шамана – «ойуун» – также восходит к тунгусо-маньчжурским языкам. Шаманом издревле считается тот, кто преодолел ограничения своего физического тела, расширил границы своего разума и постиг некий духовный опыт.

Публикуя русский перевод признанного исследователя шаманизма и тенгрианства турецкого учёного Абдулкадира Инана, надеюсь ввести в оборот новый источник, который пополнит историографическую базу данных столь дискутируемой темы.

Перевод осуществлен автором данной статьи.

Так, в своем широко известном труде «Шаманизм вчера и сегодня. Материалы и исследования» («Tarihte ve bugün Şamanizm. Materyaller ve Araştırmalar») ученый писал: «Подтвержденные еще во II в. до н. э. китайскими хроникёрами такие гуннские культы, как Гёк-Танры,

предки, солнце, луна, земля, вода, неизбежно сохраняются до сих пор у тюркских народов, несмотря на то, что они находились под влиянием разных культур. Эти культы наблюдаются у современных алтайцев и якутов. Но бытующий алтайский и якутский шаманизм нельзя считать древней тюркской религией. Совершенно очевидно, что мировоззрение и религиозные верования тюрков, создавших в древности мощные государственные образования, были более развитыми и совершенными, нежели алтайский и якутский шаманизм. Здесь несомненно одно – древние тюрки были шаманистами. Но этот шаманизм был настолько развит, что оставлял далеко за спиной нынешний уровень развитости алтайского и якутского шаманизма. Естественно было невозможно находиться на одинаковом уровне развития мировоззрения и религиозных верований как маленьким племенам, занимавшимся охотой и первобытным земледелием и живших на ограниченной территории, так и большим кочевым ханствам, живших в улусе, простиравшемся от Китая до Византии и Ирана» [3, с. 1]. Как видим, опираясь на китайские источники, автор описал примеры многочисленных жертвоприношений древних тюрков Небу, Земле, Воде, Солнцу и Луне. Исходя из этого, А. Инан название высшего якутского божества «танара» обозначил как признак обыкновенного идолопоклонничества. В то же время он не дал конкретного названия религии древних тюрков [3, с. 2].

Учёный уделил особенное место культу Неба Тэнри, которому поклонялись все тюрки. Тюркское происхождение слова «Тэнри» не вызывает у исследователей никаких сомнений. «Характерной чертой доисламских верований тюрков, – писал Инан, – являлась их тесная связь с природно-географическими объектами, среди которых значительную роль играют культы воды, небесных светил, отдельных деревьев и т.д.» [3, с. 2].

Так же, не вдаваясь в подробности эволюции шаманизма у древних тюрков, работа турецкого учёного вызывает интерес его внимательным отношением к месту и значимости якутского шаманизма [4, с. 5-10].

С мнением Абдулкадира Инана полностью согласен известный татарский учёный Р.Н. Безертинов. Так, он пишет, что «шаманизм – всё же не религия Тэнгри, так как религия Тэнгри – это мировоззрение народа» [5, с. 8]. Но и это определение Тэнгри, так же, как и шаманизм, не имеет ни письменных священных книг, ни какой-либо классической доктрины.

Хотелось бы отметить, что в свете мнения турецкого учёного имеет право на существование и взгляд ряда якутских исследователей, придерживающихся теории автохтонного происхождения якутского этноса. Например, согласно мнению С.И. Николаева (Сомоготто), якуты задолго до прихода тюркоязычных племён имели свою национальную религию

Айыы с множеством её служителей-шаманов и отнюдь не настаивавших на её прямом родстве с религией древних тюрков. Существует даже версия о том, что учение Айыы является своего рода уникальным реликтом древних учений (вероятно, индо-иранского происхождения). Фактом остаётся и то, что русские землепроходцы в XVII веке застали здесь уже устоявшуюся местную религию [6, с. 141].

Таким образом, можно предположить, что дискуссии по вопросам о месте шаманизма в духовной жизни якутов, равно как и их этногенеза, будут только продолжаться.

Список литературы:

1. Алексеев А.Н. К вопросу о происхождении якутского народа // Сб. науч. тр. Серия: Филология. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. – С. 66 – 67.
2. Гоголев А.И. История Якутии. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015.
3. İnan, Abdülkadir. Tarihte ve bugün Şamanizm. Materyaller ve Araştırmalar. – Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 4-cü baskı, 1995.
4. Желобцов Ф.Ф. К вопросам происхождения шаманизма и этногенезе народа саха в переводе статьи Инана, А. // Вестник СВФУ. Серия «История. Политология. Право». – 2019. – № 2 (14).
5. Безертинов Р.Н. Древнетюркское мировоззрение «тэнгрианство». – Казань, РИЦ «Школа», 2006. – 164 с.
6. Николаев С.И. (Сомоговто). Обычай народа Саха. – Якутск: НИПК «Сахаполиграфиздат», 1966. – 48 с.

РАЗДЕЛ 2.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

2.1. ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

ОХРАНА РЕДКИХ И НАХОДЯЩИХСЯ ПОД УГРОЗОЙ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рябова Ирина Александровна

студент,

Санкт-Петербургский государственный университет,

РФ, г. Санкт-Петербург

PROTECTION OF RARE AND ENDANGERED ANIMAL SPECIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Irina Ryabova

Student

of Saint Petersburg state University,

Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. Абсолютно ясно, что без сохранения животного мира, особенно краснокнижного, человечество обречено. В Российской Федерации в последние несколько лет заметна слаженная работа по сохранению и защите редких и исчезающих видов, о чем свидетельствует принятие большого числа нормативно-правовых актов и Стратегий. Однако существует большое число проблем, о чем сказано выше. Нам остается надеяться, что все эти проблемы в ближайшее время будут решены, и ситуация с защитой и охраной редких и исчезающих видов улучшится.

Abstract. It is absolutely clear that without the preservation of the animal world, especially the Red Book, humanity is doomed. In the Russian Federation, over the past few years, there has been a well-coordinated effort to preserve and protect rare and endangered species, as evidenced by the adoption of a large number of legal acts and Strategies. However, there are a large number of problems, as mentioned above. We can only hope that all these problems will be resolved in the near future, and the situation with the protection and protection of rare and endangered species will improve.

Ключевые слова: охрана животных; стратегия по защите животных; исчезающие виды; правовой статус редких и вымирающих видов.

Keywords: animal protection; animal protection strategy; endangered species; legal status of rare and endangered species.

В Российской Федерации основным документом, объединяющим все виды животных, чьё существование находится под угрозой, является Красная книга РФ [1], а также Красные книги субъектов РФ [2], которые были созданы в соответствии с обязательствами, установленными Конвенцией о биологическом разнообразии, к которой Россия присоединилась в 1995 году. Положение животных, занесенных в Красную Книгу РФ регулируют два основных закона: Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 N 7-ФЗ и Федеральный закон "О животном мире" от 24.04.1995 N 52-ФЗ.

Красная книга Российской Федерации разделена на несколько частей: о животных, о дикорастущих растениях, о грибах, о прокариотах. Решение о внесении поправок в Красную Книгу принимает Всероссийский научно-исследовательский институт охраны природы на основании научных исследований и результатов отслеживания изменений в окружающей среде. Государственный Комитет РФ по охране окружающей среды осуществляет ведение и издание Красной Книги, информация в которой должна обновляться не реже, чем каждые 10 лет. Красные книги субъектов в РФ повторяют структуру Красной книги РФ, они отражают ситуацию, сложившуюся в субъектах и позволяют более приближенно взглянуть на проблему [2]. Их ведение осуществляют соответствующие органы исполнительной власти субъектов РФ.

Животные, внесенные в Красную Книгу, обладают особым правовым статусом по отношению к другим видам: они подлежат отдельной охране, по отношению к ним применяются меры по сохранению и восстановлению, их оборот и истребление запрещены, за исключением редких случаев [7]. Можно выделить несколько основных критериев, которым отвечают животные, находящиеся в Красной книге, или внесение которых в нее необходимы:

1. Маленькая численность вида.
2. Маленькая площадь обитания вида.
3. Способность существования лишь в узком диапазоне условий среды. В данных условиях появляется угроза исчезновения вида при малейшем изменении привычных климатических и природных условий обитания, или при исчезновении жизненноважных для вида ресурсов.
4. Низкий темп размножения и восстановления популяции. От данной проблемы больше страдают те животные, на которых непосредственно человек оказывает негативное воздействие. Браконьерство, охота на животных ставят их под угрозу вымирания, так как они просто не успевают восстановить и увеличить свою численность.

5. Несовместимость обитания животного с присутствием человека. При негативном опыте, связанном с контактом с человеком многие животные стремятся покинуть такой ареал обитания, что может привести к уничтожению вида. Примером для этого может служить то, что многие его обитатели, в том числе и птицы, стараются сменить место обитания на более тихое и отдаленное от человека. К сожалению, нередко именно смена ареала обитания ставит вид под угрозу вымирания.

Создание Красной книги РФ и Красных книг субъектов РФ является определенным преимуществом и решает многие экологические проблемы. Во-первых, появление такого документа свидетельствует о беспокойстве общества за судьбу природы, отражает заинтересованность в сохранении и приумножении богатств природы. Во-вторых, животные, перечисленные в Красной Книге обладают особым правовым статусом: их уничтожение и изъятие из естественной среды влечет за собой ответственность. Нормы, защищающие вымирающие виды содержатся в Кодексе об административной ответственности РФ [3] и в Уголовном кодексе РФ, таким образом, нарушитель может быть подвергнут не только административной ответственности, но и вплоть до уголовной. В-третьих, осуществление постоянного мониторинга ситуации, происходящей в природе позволяет вести статистику и исходя из полученных данных совершенствовать методы по сохранению окружающей среды. В-четвертых, создание Красных книг субъектов РФ и их скоординированность позволяет отслеживать изменения популяции редких и находящихся под угрозой исчезновения мигрирующих видов животных [4].

Таким образом, правовой статус редких и вымирающих животных, занесенных в Красную книгу РФ выражается в специальных инструментах их защиты от действий человека и наличии статуса особо охраняемого государством объекта [5].

Несмотря на то, что человечество во многом является причиной вымирания животных, человек, признавая свои ошибки, стремится исправить сложившуюся ситуацию для разрешения экологических проблем в мире. В настоящее время в Российской Федерации существует ряд законодательных актов, регулирующих взаимодействие человека с природой, основными среди них являются: ФЗ «Об охране окружающей среды» и ФЗ «О животном мире», кроме того, РФ присоединилась к ряду международных договоров, касающихся защиты окружающей среды. Так, законодатель вводит нормы, предусматривающие ответственность за негативные последствия вмешательства человека в жизнь природы [6]. Предусмотрены штрафы для предприятий, деятельность которых ведет к загрязнению воды и воздуха (статья 16 ФЗ «Об охране окружающей среды»), для нарушителей правил охраны окружающей среды и природопользования наступает административная ответственность, в частности, предусмотрена ответственность за уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений (статья 8.35 КоАП РФ), Уголовный кодекс РФ содержит целую главу, посвященную экологическим преступлениям, так, за незаконный оборот и добычу особо ценных диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ, предусмотрено уголовное наказание вплоть до лишения свободы (статья 258.1 УК РФ). Кроме создания законодательных запретов, в качестве мер по защите животного мира были также созданы стратегии по сохранению исчезающих видов.

Список литературы:

1. Красная книга России (утверждена приказом министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации), Москва, 2017. — 480 с.
2. Красная книга Приморского края (утверждена постановлением администрации Приморского края), Владивосток, 2017 — 81 с.
3. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 18.03.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.03.2019).
4. Методические рекомендации по ведению красных книг субъектов РФ, Москва 2006, стр. 4.
5. Приказ МПР России от 28.04.2008 года «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного объектам животного мира, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, а также иным объектам, не относящимся к объектам охоты и рыболовства и среде их обитания» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12161284/> (дата обращения: 02.07.2020).

6. Распоряжение Минприроды России от 02.07.2010 №25-р о принятии «Стратегии сохранения амурского тигра в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-minprirody-rossii-ot-02072010-n-25-r-o-strategii/> (дата обращения: 03.07.2020).
7. Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2014 года № 212-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/02/24/griby-site-dok.html> (дата обращения: 04.07.2020).

2.2. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Ротань Владимир Гаврилович

*д-р юрид. наук, профессор,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
РФ, г. Симферополь*

TWO TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Vladimir Rotan

*Doctor of law, Professor,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Russia, Simferopol*

Аннотация. В статье констатируется факт проявления двух противоположных тенденций в развитии правовой системы России. Первая тенденция заключается в безоговорочном подчинении судебной практики Конституции и закону. Она основывается на ст. 15 и ст. 120 Конституции, и в силу этих конституционных положений должна поступательно утверждаться. Но ее утверждению препятствует противоположная тенденция, не имеющая конституционных оснований, но де-факто развивающаяся. Эта вторая тенденция заключается в придании нормативного (регулятивного) значения судебной практике. Постепенно она приобретает законодательное закрепление, развивается разъяснительной практикой высших судебных инстанций и становится выше закона. Вторая тенденция таит в себе серьезную опасность для правовой системы России. Поэтому она должна быть преодолена.

Abstract. The article states that two opposite trends appear in the development of the Russian legal system. The first trend is the unconditional subordination of judicial practice to the Constitution and the law. It is based on articles 15 and 120 of the Constitution, and due to these constitutional provisions must be progressively approved. But its approval is hindered

by the opposite trend, which has no constitutional grounds, but is de facto developing. This second trend is in giving a normative (regulatory) meaning to judicial practice. Gradually, it acquires legislative consolidation, develops with the help of the explanatory practice of higher courts and becomes higher than the law. The second trend is fraught with serious danger for the Russian legal system. Therefore, it must be overcome.

Ключевые слова: правовая система; верховенство Конституции; судебная практика; подчинение закона судебной практике.

Keywords: legal system; supremacy of the Constitution; judicial practice; subordination of the law to judicial practice.

Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу и прямое действие, а на органы государственной власти, органы местного самоуправления, на должностных лиц, граждан и их объединения возлагается обязанность соблюдать Конституцию и законы (части 1, 2 Конституции Российской Федерации).

Совершенно ясно, что указанная обязанность в полной мере распространяется и на суды, а государственные органы, участвующие в законодательном процессе, в процессе такого участия, имея полномочия на изменение законов, обязаны подчиняться Конституции, а также законам, что не лишает их права на внесение изменений в последние.

В то же время масштабность и всеохватывающий характер приведенных конституционных положений не позволяет воплотить их в общественные отношения немедленно с момента вступления в силу Конституции.

Это надо признать, хотя с точки зрения только нормативистского подхода, который, однако, должен быть разумным и не исключать императивный характер права и к которому склоняется автор настоящей статьи, желательным было бы немедленное и полное воплощение Конституции в общественные отношения. В связи с этим неизбежным является вывод о том, что положения Конституции, кроме тех, которые устанавливают конкретные правовые нормы, в частности касающиеся устройства государственной власти и полномочий ее органов, устанавливают принципы.

А принципы – это такие конституционные и законодательные положения, которые содержат в себе правовую норму и декларацию конституционного законодателя, законодателя о его намерениях постепенно воплотить в жизнь совершение соответствующей декларации.

Безусловно, характер принципов имеют и положения частей 1 и 2 ст. 15 и части 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации, обязывающей судей подчиняться только Конституции и федеральному закону.

Поэтому мы не можем утверждать, что положения частей 1 и 2 ст. 15 и части 1 ст. 120 Конституции в полной мере реализуются.

Логичнее будет утверждать, что указанные конституционные положения составляют конституционное основание к постепенному и неуклонному все более полному подчинению Конституции и закону, в частности практики разграничения судами дел. Эта тенденция с учетом значения соотношения Конституции и закона, с одной стороны, и судебной практики, – с другой, для правовой системы России должна быть признана ведущей тенденцией в развитии правовой системы России.

В то же время нельзя не заметить и другой тенденции – встречной, противоположной, заключающейся в стремлении судебной практики разорвать конституционные и законодательные оковы и выйти на просторы свободного поиска права. Конституционные основы для этой тенденции начисто отсутствуют. Но она развивается, утверждается и местами решительно препятствует названной выше первой тенденции, основанной на Конституции тенденции. Точно в духе названия изданной А. Г. Карапетовым монографии – «Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве» [1] идет борьба между двумя указанными тенденциями. Но при этом первая, основанная на Конституции тенденция, не имеет субъекта, который участвовал бы в этой борьбе, отступает под напором второй, которая борется совершенно реально, повседневно стремится утвердиться через судебную практику. Понятно, что повседневно утверждаясь в судебной практике, опираясь на деятельность многочисленного судейского корпуса, вторая тенденция постепенно, мяч за мячом, побеждает.

Ее поддерживают ученые. М.Н. Марченко обосновывает эту тенденцию в монографии «Судебное правотворчество и судейское право» [2]. А украинский ученый С. В. Шевчук, более чем за десять лет до того, как взошел на пост председателя Конституционного Суда Украины (как-будто чувствовал, что получит этот подарок судьбы), утверждал такое: «При внимательном чтении конституционных норм трудно не заметить их важной особенности – они сформулированы в виде открытого текста, а поэтому представляют собой «пустые сосуды», которые необходимо заполнять конкретным содержанием в процессе реализации Конституции» [3, с. 7]. Как представляется определение конституционных норм как «пустых сосудов» даже с учетом того, что это метафора, находится за пределами профессионального приличия, а чисто профессионально – это не конструктивно, ибо закрывает проблему, как бы разрешает ее еще до начала попыток ее разрешения. И уж если конституционные нормы – и в самом деле автор считает «пустыми сосудами», то хотя бы он предложил предоставить самой

Конституцией полномочия судам на заполнение этих «сосудов». Но и этого он не предлагает. Председатель Верховного Суда Израиля обосновывал идею судебного правотворчества в работе, посвященной судебному усмотрению [4]. Это только вершина айсберга, который в целом, словами сатирика, ни пером описать, ни гонораром оплатить.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин так оценивает сложившуюся в России ситуацию: «Действующая Конституция России (ст. 126 и 127) не придает обязательного характера разъяснениям Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики. Вместе с тем традиция судебного правоприменения стремится сохранить за ними такой характер. Решения и разъяснения этих судов в системе судов общей юрисдикции и арбитражных судов оказывают значительное влияние на последующие судебные решения и в определенной мере фактически приобретают прецедентное значение, способствуя в правоприменительной практике судов формированию оптимальных моделей для последующих судебных решений по конкретным делам» [5]. Эта позиция ученого, занимающего важную должность в судебной ветви власти, воспринимается с трудом. Председатель Конституционного Суда констатирует отсутствие конституционных основ для придания обязательного характера разъяснениям высших судебных инстанций. То, казалось бы, и надо думать над тем, какие изменения следует внести в законодательные акты с целью исключения посягательств судебной власти на прерогативы власти законодательной. Такая мысль находилась бы в русле основанной на Конституции тенденции ко все более полному подчинению судебной практики Конституции и закону. Между тем, председатель Конституционного Суда констатирует наличие традиции судебного правоприменения, которая заключается в его (судебного правоприменения) стремлении сохранить за разъяснениями высших судебных инстанций обязательный характер, и утверждает, что эта традиция в действительности способствует формированию оптимальных моделей для последующих судебных решений по конкретным делам. Трудно понять, как не основанная на Конституции традиция, противоречащая принципу разделения властей, закрепленному в ст. 10 Конституции, может способствовать формированию упомянутых оптимальных моделей.

Изложенное обнаруживает острейшую проблему соотношения двух тенденций в развитии правовой системы России. Эта проблема нуждается в обсуждении в научной среде с целью поиска ее цивилизованного решения, то есть решения, которое безоговорочно будет учитывать упомянутые выше положения ст. 15 и ст. 120 Конституции Российской Федерации. Что указанное решение должно быть именно таким, попробуем показать это на примере толкования Пленумом

Высшего Арбитражного Суда принципа свободы договора в Постановлении от 14 марта 2014 года № 16 «О свободе договора и ее пределах».

Пленум Высшего Арбитражного Суда в упомянутом Постановлении не ссылается на постановления и определения Конституционного Суда, но сомнения нет в том, что вдохновение судьи Высшего Арбитражного Суда при принятии указанного Постановления черпали из судебной практики Конституционного Суда. В Постановлении от 18 июля 2003 года № 14-П Конституционный Суд сформулировал такую правовую позицию: «Права владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свобода предпринимательской деятельности и свобода договоров могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации)...». Эту правовую позицию Конституционный Суд подтвердил в Постановлении от 28 января 2010 года № 2-П: «Права владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свобода предпринимательской деятельности и свобода договоров в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Ценность этого фрагмента Постановления Конституционного Суда с точки зрения автора настоящей статьи заключается в прямой ссылке на ст. 55 Конституции. Последовательность позиции Конституционного Суда по рассматриваемому вопросу подтвердилась еще одним фрагментом из судебного акта Конституционного Суда: «В соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации именно законодатель устанавливает конкретные основания и пределы необходимых ограничений прав и свобод гражданина в целях защиты прав и законных интересов других лиц. Это касается и свободы договора...» (Определение от 15 января 2015 года № 6-О). Поясняем также, что принцип свободы договора Конституционный Суд выводит из ст. 8 Конституции, закрепляющей принцип свободы экономической деятельности, ст. 35 Конституции, признающей одним из прав человека и гражданина право распоряжаться имуществом, и ст. 37 Конституции, признающей за каждым право свободы распоряжаться своими способностями.

К сожалению, проблема возможности выведения принципа свободы договора из трех приведенных конституционных положений выходит за пределы настоящей статьи. Это явление – выведение принципа

свободы договора сразу из трех конституционных положений, требует специального осмысления. Мы допускаем, что правовые нормы могут конструироваться, в том числе и из элементов, содержащихся в нескольких нормативных положениях. Но полагаем, что именно взято для цели конструирования соответствующей правовой нормы из каждого из таких положений и каким логическим преобразованиям допустимо это «взятое» подвергнуть. Пока же мы наблюдаем практику Конституционного Суда, когда он из целого ряда конституционных положений делает вывод, которому придается юридическое содержание, но логический путь от названных положений к указанному выводу не показывается и не просматривается. Увидеть, как же именно определенный вывод основывается на соответствующих конституционных положениях совершенно невозможно. Поэтому складывается впечатление, что выводы, имеющие определенное юридическое содержание, из целого ряда конституционных положений делается сугубо интуитивно. Логика при этом соблюдается далеко не всегда и, возможно, в последнюю очередь для обоснования интуитивно уже сделанных выводов. Это частично подтверждается указанием, например, в Постановлении Конституционного Суда от 15 марта 2005 года № 3-П на то, что положения ст. 37 Конституции (в них речь идет о свободе труда и праве каждого распоряжаться своими способностями к труду) обуславливают свободу трудового договора, право работника и работодателя по соглашению решать соответствующие вопросы. В положении Конституции речь идет о свободе на стороне работника, а Конституционный Суд увидел в содержании этого положения также и свободу для работодателя, что и дало основание перейти от конституционного положения о свободе труда (свобода на стороне работника) к свободе трудового договора (свобода обеих сторон трудового договора).

Нечто общее в содержании ст. 8, 35, 37 Конституции есть. Но нельзя не видеть и существенные различия, которые могут препятствовать единому выводу с юридическим содержанием из этих конституционных положений. Но этот вывод Конституционным Судом сделан, и он уже на данный момент повлиял на правовую систему России. Однако, придание этому выводу значения правовой нормы, действие которой ограничивается только в случаях, предусмотренных частью 3 статьи 55 Конституции, является ошибочным. Свобода договора не может признаваться как такая, которая составляет содержание правовой нормы, действующей постольку, поскольку ее действие не ограничено в порядке, установленном частью 3 статьи 55 Конституции. Свобода договора – это принцип. А всякий правовой, в том числе и конституционный, принцип включает в свое содержание не только

правовую норму, но и декларацию. Поэтому, прежде чем применять к принципу свободы договора часть 3 статьи 55 Конституции, в содержании этого принципа правовую норму следует отделить от декларации. Часть 3 статьи 55 Конституции будет применяться только к правовой норме, содержащейся в принципе свободы договора. Применять это конституционное положение к декларации, ибо последняя – это заявление законодателя, в том числе и конституционного о его намерениях, которое (заявление) должно постепенно, по мере изменения социального контекста приобретать характер правовой нормы.

Таким образом, граница между правовой нормой и декларацией в содержании принципов, в том числе и конституционных, в том числе и принципа свободы договора, изменяется. Она может изменяться и в одну, и в другую сторону: декларация может в определенной части приобретать характер правовой нормы. Правовая норма, в свою очередь, может в определенной части приобретать характер декларации. Последнее четко видно на примере дела «Лохнер против штата Нью-Йорк», которое рассматривалось Верховным Судом в 1903 году. Законом штата Нью-Йорк продолжительность рабочего дня работников городских пекарен ограничивалась десятью часами.

Этот закон был обжалован в суде. Верховный Суд США пришел к выводу о том, что такое ограничение рабочего дня противоречит Четырнадцатой поправке к Конституции США, в соответствии с которой ни один штат не может издавать законы, лишаящие какое-либо лицо свободы без надлежащей правовой процедуры.

Однако, ко второй половине 30-ых годов XX века Верховный Суд стал толковать Четырнадцатую поправку в части ее распространения на трудовые отношения противоположным образом. Содержание этой поправки в части правовой нормы было сужено, а в части декларации – расширено. И Четырнадцатая поправка перестала рассматриваться как препятствие для ограничения законами штатов рабочего дня, для установления минимального уровня оплаты труда наемных работников и т.п.

В содержании Четырнадцатой поправки за период от начала XX века до второй половины 30-ых годов XX века ничего не менялось. Изменился социальный контекст (рост рабочего и профсоюзного движения, увеличение количества забастовок, наконец, угроза победы коммунизма во всем мире). Доля правовой нормы в содержании Четырнадцатой поправки уменьшалась (в части того, о чем здесь идет речь), а доля декларации увеличилась.

Соотношение правовой нормы и декларации в принципе свободы договора, взятого в пределах его доли как регулятора имущественных

отношений, являющихся предметом гражданского права, также определяется социальным контекстом. Она также и изменяется в результате изменения социального контекста.

Но Конституционный Суд это не учел, придал принципу свободы договора значение правовой нормы, имеющей высшую юридическую силу. А Пленум Высшего Арбитражного Суда пришел к выводу о том, что этой правовой норме противоречат положения абзаца первого п.4 ст. 421 и п. 1 ст. 422 ГК РФ, придающие, как правило, императивный характер нормам гражданского права. По мнению Пленума Высшего Арбитражного Суда нормы гражданского права, как правило, являются диспозитивными, кроме случаев, которые Пленум сам же и определил: «Норма, определяющая права и обязанности сторон договора, является императивной, если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила (например, в ней предусмотрено, что такое соглашение ничтожно, запрещено или не допускается, либо указано на право сторон отступить от содержащегося в норме правила только в ту или иную сторону, либо названный запрет иным образом недвусмысленно выражен в тексте нормы)». Но Пленум Высшего Арбитражного Суда допускает, что даже и содержащийся в императивной норме запрет на соглашение об ином в определенных случаях должен толковаться ограничительно: «В частности, суд может признать, что данный запрет не допускает установление сторонами только условий, ущемляющих охраняемые законом интересы той стороны, на защиту которой эта норма направлена».

Теперь следует сравнить правотворческие полномочия английских судов (полномочия на создание судебных прецедентов) с теми правотворческими функциями, которые взял на себя Пленум Высшего Арбитражного Суда. Английский суд эпизодически создает прецеденты, исходя из полномочия, которое за ним признается в течение тысячелетия.

Пленум Высшего Арбитражного Суда одним Постановлением внес фундаментальные изменения во все гражданское законодательство, распространяющееся на обязательства: все нормы обязательственного права, которые в соответствии с законом до последнего времени считались императивными, теперь объявлены диспозитивными путем расширительного и телеологического толкования, которое (телеологическое) идеологи судебного правотворчества понимают как формулирование новых правовых норм исходя из найденного в каждом конкретном случае целесообразного решения. Исключения из общего правила об императивности норм обязательственного права установил новый (неконституционный) как бы законодатель – Пленум Высшего Арбитражного Суда.

Следует обратить внимание на то, что Высший Арбитражный Суд юридически имел право законодательной инициативы по вопросам его ведения (часть 1 ст. 104 Конституции). Имел он и фактическую возможность через других субъектов законодательной инициативы передать в Государственную Думу соответствующий законопроект. Но, очевидно, соответствующим должностным лицам уж очень хотелось попробовать свои силы в правотворчестве. Пусть и вопреки Конституции.

Мелочность примеров, которые приводит Пленум Высшего Арбитражного Суда в порядке различения созданных им новых норм обязательственного права, документально поддерживающих правовую определенность в обязательственных отношениях просто поражает: «Так, частью четвертой статьи 29 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» установлен запрет на одностороннее изменение кредитной организацией порядка определения процентов по кредитному договору, заключенному с заемщиком-гражданином, однако это не означает, что запрещено такое одностороннее изменение указанного порядка, вследствие которого размер процентов по кредиту уменьшается». Если уж банк решил уменьшить процентную ставку по кредиту, то неужели ему трудно такое свое решение облечь в правовую форму соглашения об изменении договора? Ради каких существенных интересов Пленум Высшего Арбитражного Суда посягнул на великое благо правовой определенности?

Другой пример, который приводит Пленум Высшего Арбитражного Суда столь же незначителен: «Статья 310 ГК РФ допускает согласование в договоре права на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора только в случаях, когда договор заключается в связи с осуществлением обеими его сторонами предпринимательской деятельности. Цель данной нормы состоит в защите слабой стороны договора.

Следовательно, подразумеваемый в ней запрет не может распространяться на случаи, когда в договоре, лишь одна из сторон которого выступает в качестве предпринимателя, право на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора предоставлено стороне, не являющейся предпринимателем».

Да право потребителей на расторжение договоров в одностороннем порядке путем отказа от них и без того слишком широко (п. 2 ст. 328, ст. 717, ст. 782 ГК РФ).

Параллельно с этим идет процесс законодательного признания судебного правотворчества и признания высшей юридической силы судебной практики по сравнению с законом. Делается это не прямо,

не категорично, как бы исподволь. Так, в соответствии с п. 4 ч. 4 ст. 180 КАС «в мотивировочной части решения суда могут содержаться ссылки на постановления и решения Европейского Суда по правам человека, решения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации...». Не указывается на то, что «в решении суда могут содержаться ссылки...».

Косвенно обязательность сложившейся судебной практики признается в ст. 341 КАС, ст. 311 АПК и ст. 391.1 ГПК. Таким образом претензии судов на осуществление правотворческой деятельности получают законодательное закрепление. Остается только признать правотворческие полномочия судов в Конституции. Тогда можно будет утверждать, что вторая из рассматриваемых в настоящей статье тенденций возобладали и даже победила. Тогда от произвола судов может спасти только самоограничение судов, надежды на которое не имеют каких-либо объективных оснований, а будут связаны только с тем, что на вершине судебной власти окажутся благородные, а еще лучше – мудрые люди.

Список литературы:

1. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. – М.: Статут, 2011. – 308 с.
2. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. – М.: Проспект, 2008. – 512 с.
3. Шевчук С.В. Основи конституційної юриспруденції. – М.: Консум, 2002. – 296 с.
4. Барак А. Судейское усмотрение. Перевод с английского. – М.: Издательство НОРМА, 1999. – 376 с.

2.3. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ПЕРЕВОДЧИК КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Бабушкина Анастасия Дмитриевна

студент,

*Донской государственной технической университет,
РФ, г. Ростов-на-Дону*

INTERPRETER AS A PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Anastasia Babushkina

Student,

*Don state technical University,
Russia, Rostov-on-don*

Аннотация. В данной статье рассматривается необходимость участия в уголовном процессе переводчика, объясняется принцип языка уголовного судопроизводства в российском уголовно-процессуальном праве. Определены права и обязанности переводчика в уголовном судопроизводстве.

Abstract. Annotation: this article discusses the need for an interpreter to participate in the criminal process, explains the principle of the language of criminal proceedings in Russian criminal procedure law. The rights and obligations of an interpreter in criminal proceedings are determined.

Ключевые слова: уголовный процесс; переводчик; принцип языка уголовного судопроизводства; права; обязанность; профессионализм.

Keywords: criminal proceedings; interpreter; principle of the language of criminal proceedings; rights; obligations; professionalism.

Появление института переводчика в уголовном процессе обусловлено необходимостью нахождения путей решения проблемы языковых барьеров при осуществлении уголовного преследования. Фигура

переводчика является важной в уголовном процессе ввиду того, что он является связующим звеном между участниками уголовного процесса, общающимися на разных языках. Именно переводчик обеспечивает реализацию принципа языка уголовного судопроизводства для лиц, не владеющих русским языком.

Необходимость участия в уголовном процессе переводчика объясняется наличием принципа языка уголовного судопроизводства в российском уголовно-процессуальном праве. Так, ч. 2 ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ) устанавливает, что Участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика. Следовательно, в случае если участник уголовного судопроизводства не владеет русским языком, он имеет право на предоставление услуг переводчика.

Кроме того, важно подчеркнуть, что необходимость участия в уголовном процессе переводчика неоднократно подчеркивалась в международных актах. Так, ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах закрепляет право подсудимого пользоваться бесплатной помощью переводчика в случае, если он не владеет языком судопроизводства [2]. Таким образом, мировое сообщество пришло к соглашению о необходимости фигуры переводчика в рамках уголовного процесса. Именно положения международных договоров нашли отражение в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

УПК РФ содержит дефиницию понятия «переводчик» в рамках уголовного процесса. Так, согласно ч. 1 ст. 59 УПК РФ переводчик - лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных УПК РФ, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. Из указанного определения следует, что переводчик не обязан отвечать такому принципу как профессионализм, то есть действующий закон не предусматривает требований к уровню образования переводчика. Указывая лишь на то, что он должен свободно владеть языком, знание которого необходимо в рамках конкретного уголовного процесса. На наш взгляд, такое положение является не совсем правильным.

Ч. 3 и ч. 4 ст. 59 УПК РФ содержит перечень прав и обязанностей переводчика, характеризующих его правовой статус. Переводчик вправе: задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства в целях уточнения перевода; знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, а также с протоколом судебного заседания и делать замечания по поводу правильности записи перевода, подлежащие занесению в протокол; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права. Переводчик не вправе: осуществлять заведомо неправильный перевод; разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве переводчика, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса; уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд. За осуществление заведомо ложного перевода в рамках уголовного процесса предусмотрена уголовная ответственность. Установление столь жестких мер ответственности переводчика обусловлена тем, что заведомо ложный перевод может привести к тому, что правосудие не будет осуществлено, невиновный человек может понести наказание, что противоречит принципам уголовного судопроизводства.

Лицу, осуществляющему предварительное расследование при удовлетворении ходатайства о предоставлении переводчика необходимо установить объективные факты не владения или недостаточности владения языком лицом, подающим ходатайство. Так, к таким фактам можно отнести следующие: наличие гражданства или подданства другого государства, факт постоянного проживания на территории иностранного государства, национальность лица и другие. Важно отметить, что в большинстве случаев переводчик таким лицам предоставляется. Об этом, в частности, свидетельствует данные статистического исследования Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД, которые показывают, что 85,8 опрошенных сотрудников органов внутренних дел обеспечивают право участника уголовного процесса на предоставление бесплатной помощи переводчика [3].

На данный момент на законодательном уровне закреплены профессиональные требования ко многим лицам, участвующим в уголовном процессе. Так, за исключением производства у мирового судьи, защитником в уголовном деле может выступать только адвокат, то есть лицо, которое получило статус в установленном законом порядке (ч. 2 ст. 49 УПК РФ, ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" [4]). Кроме того, согласно п. 1 ч. 1 ст. 4 Закона РФ от 26.06.1992

№ 3132-1 "О статусе судей в Российской Федерации" [5] судьями могут быть лишь лица, имеющие высшее юридическое образование. Таким образом, ко всем профессиональным участникам уголовного судопроизводства предъявляются требования к их профессиональному статусу. По нашему мнению, переводчик также будет являться профессиональным участником уголовного процесса, поскольку выполняет важные процессуальные функции. Данный подход высказывается Волосовой Н.Ю. и Шмелева Е.С., подчеркивающим необходимость обеспечения правильного и квалифицированного перевода в рамках уголовного процесса [6]. Указанный подход поддерживается также А.Н. Гуськовой, указывающей на то, что только у профессиональных участников уголовного процесса имеются самостоятельные процессуальные функции [7]. Кроме того, не всякий человек, просто владеющий языком, сможет осуществлять перевод в рамках уголовного процесса, поскольку он предполагает применение специфической лексики, которой владеют далеко не все переводчики. Также важно указать, что переводчик должен иметь определенные знания в сфере юриспруденции для того, чтобы эффективно осуществлять перевод.

Указанная проблема также влияет на то будет ли осуществлён перевод во имя правосудия или будет лишь служить ему. То есть речь идет о беспристрастности переводчика. Л.Б. Обидина полагает, что переводчик, имеющий специальную квалификацию (лучше всего судебного переводчика) будет более беспристрастен, так как он будет являться профессионалом, чьё обучение было направлено на осуществление беспристрастного перевода [8]. По нашему мнению, указанная позиция является верной, поскольку специалист всегда более беспристрастен, чем обычный человек, хорошо владеющий иностранным языком.

Таким образом, предлагается установить квалификационные требования к лицам, осуществляющим перевод в рамках уголовного процесса. А именно закрепить, что переводчиком в рамках уголовного процесса может быть лицо имеющее высшее образование по специальности переводчик и (или) переводоведение, либо лицо, имеющее высшее лингвистическое образование.

Переводчик выполняет важные функции в уголовном процессе. Но что же понимается под функциями переводчика? А.Н. Гуськова предлагает следующее определение понятия «функции переводчика»: «Функция переводчика» – это роль, выполняемая субъектом информационно-коммуникационного и интерпретационного посредничества в уголовном судопроизводстве, содержанием которой является перевод информации, переданной устно, письменно или конклюдентно, а также интерпретация культурно-мировоззренческой специфики поведения граждан в рамках уголовного судопроизводства» [9].

Следовательно, функции переводчика будут выступать в качестве той роли, которую он играет в уголовном процессе. Именно значимость этой роли обуславливает необходимость присутствия переводчика в уголовном процессе. Среди функций переводчика в уголовном процессе можно выделить следующие:

- Обеспечение принципа языка уголовного судопроизводства.
- Обеспечение процесса коммуникации между участниками уголовного процесса.
- Перевод устной и письменной информации.

Известный лингвист Сандра Хейл выделила следующие функции переводчика в уголовном процессе [10]:

- оказание помощи представителю языкового меньшинства с тем, чтобы он мог наилучшим образом представить свое дело (в данном случае можно говорить о том, что переводчик будет выступать в качестве своеобразного представителя участника уголовного процесса);
- оказание помощи представителю государственного института (с этой позиции переводчик обязан оказать содействию государственному органу, осуществляющим предварительное следствие или судопроизводство);
- выполнение функций активной третьей стороны (переводчик-«диспетчер», решающий, что можно произносить и чего не следует произносить);
- обеспечение успешной коммуникации между представителями государственных органов и представителями языкового меньшинства (то есть переводчик должен найти баланс интересов обеих сторон и наладить эффективную коммуникацию между ними).

Другой важно проблемой является проблема порядка привлечения в уголовный процесс переводчиков с редких языков и языков, не имеющих собственной письменности или малописьменных. Это проблема является актуальной ввиду того, что на данный момент недостаточно специалистов-переводчиков в области нераспространенных языков, таких как цыганский, узбекский, таджикский и другие. Недостаточность таких специалистов приводит к тому. Что в уголовном процессе в качестве переводчиков нередко задействуются студенты, родственники участников процесса, которые зачастую не имеют необходимых квалификационных требований.

Волосова Н.Ю. и Шмелева Е.С. предлагают создать специализированные судебно-переводческие организации, которые бы занимались привлечением квалифицированных переводчиков в уголовный процесс [11]. В таком случае именно на такие организации бы ложилась ответственность за уровень квалификации переводчиков. Принятие таких мер,

по нашему мнению, является рациональным, поскольку сильно облегчит работу судей. Кроме того, это исключит возможность привлечения в качестве переводчиков неквалифицированных лиц или лиц, имеющих заинтересованность в разрешении дела.

Таким образом, фигура переводчика в уголовном процессе является очень важной. Именно переводчик обеспечивает реализацию не только конституционных прав человека и гражданина, но и требования международного права в области осуществления производства по уголовным делам. Решение выявленных проблем позволит усовершенствовать уголовный процесс в целом, а также обеспечит реализацию прав и свобод всех участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1976. - № 17. - Ст. 291.
2. Закон РФ "О статусе судей в Российской Федерации" от 26.06.1992 № 3132-1 // Российская газета. - 1992. - № 170.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921
4. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации"(ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
5. Волосова Н.Ю., Шмелева Е.С. О проблеме определения компетенции переводчика в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-opredeleniya-kompetentsii-perevodchika-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 09.06.2020).
6. Гуськова А.В. Принцип профессионализма и функция профессионального переводчика в уголовном процессе: доводы pro et contra // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 66
Обидина Л.Б. Кому служит переводчик в суде? // Юридическая техника. - 2017. - № 11. - С. 64-68.
7. Гуськова А.Н. Функции переводчика в уголовном процессе: автореферат дисс. ... канд. юр. н.: Специальность 12.00.09 – уголовный процесс. - Нижний Новгород, 2018. - 37 с.
8. Пимонов Б.В. Обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на использование помощи переводчика // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2018. - №1 (43). – С. 31-38.
9. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография. - М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. - 461 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам XLII международной
научно-практической конференции*

№ 7 (42)
Июль 2020 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 16.07.20. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 2,25. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru